

K1514594

В. В. ГУРА

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ РОМАНА М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»¹⁾

1.

На рубеже тридцатых годов советская литература вступала в новый этап своего развития. Успехи ее были тесно связаны с большими политическими, экономическими и культурными достижениями в нашей стране.

Грандиозное социалистическое строительство, развернувшееся в СССР, уже к 1929 году, продемонстрировало громадные успехи и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в области социалистической культуры. Подводя итоги 1929 года, И. В. Сталин назвал его «годом великого *перелома* на всех фронтах социалистического строительства»²⁾. Мощный размах и быстрый темп индустриализации создали базу для социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Колхозное движение охватило миллионы крестьянских хозяйств. Вступая в колхозы целыми селами и районами, крестьяне сметали кулачество со своего пути, ломали его сопротивление. В результате правильной политики партии решительно повернули к социализму, пошли в колхозы середняцкие массы. Создав необходимую материальную базу для развития социалистического хозяйства, партия перешла от политики ограничения кулачества к политике ликвидации его как класса на основе сплошной коллективизации.

¹⁾ Настоящая статья представляет часть работы «Творческая история романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» и является продолжением статей, ранее опубликованных в «Ученых записках» ВГПИ: «Донские рассказы» — предистория «Тихого Дона» (1950, т. VII), «История создания первой книги романа М. Шолохова «Тихий Дон» (1953, т. XII), «История создания второй книги романа М. Шолохова «Тихий Дон» (1956, т. XVIII).

²⁾ И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 118.

Во всех областях деятельности народа шла борьба за новую жизнь, в процессе которой крепла энергия и творческая инициатива масс, менялись взгляды, психология людей, ширился их идейный кругозор, рождались новые чувства и отношения. Успехи социалистического строительства обусловили значительные перемены и в среде старой интеллигенции, которая повернула в сторону советской власти.

Постоянная забота Коммунистической партии о росте писательских сил, бережное воспитание квалифицированных «специалистов» литературной техники — все это обеспечило условия для более быстрого перехода на сторону коммунистической идеологии тех писателей, которые колебались и не понимали характера советского строя.

Выросшая и окрепшая в борьбе с реакционными влияниями и буржуазной идеологией советская литература становилась на путь все более широкого охвата жизни, бурно развернувшегося социалистического преобразования страны.

В 1929 году М. Горький основывает журнал «Наши достижения», публикуя на его страницах очерки об успехах социалистического созидания. В. Маяковский выступает со стихами, в которых рисует яркие образы строителей социализма, пишет вступление к большой поэме о пятилетке. Н. Погодин и А. Безыменский создают новые пьесы о событиях современности. Л. Леонов публикует в 1930 году роман «Соть». Почти одновременно с этим произведением появляется «Гидроцентральный» М. Шагинян, «Большой конвейер» Я. Ильина. Увлеченный пафосом социалистической индустриализации, В. Катаев едет на Урал и в 1932 году печатает роман «Время, вперед!». К изображению успехов социализма обращается и И. Эренбург. Его романы «День второй» и «Не переводя дыхания» свидетельствовали об идейно-художественном росте писателя.

Широкое отражение в литературе находят успехи колхозного строительства: В. Ставский создает книгу очерков «Разбег», И. Шухов — повесть «Ненависть», К. Горбунов — роман «Ледолом», Ф. Панферов продолжает работу над романом «Бруски». Писатели рисуют трудовые будни и подвиги народа, прослеживают его пути к новой жизни.

Мимо больших революционных событий того времени, мимо движения миллионных масс крестьянства, боров-

шихся против кулацкой кабалы за свободную колхозную жизнь, не мог пройти и Шолохов. Продолжая работу над третьей книгой «Тихого Дона», он обращается к созданию нового романа — «Поднятая целина». «Я писал «Поднятую целину», — рассказывает Шолохов, — по горячим следам, в 1930 году, когда еще были свежи воспоминания о событиях, происходивших в деревне и коренным образом перевернувших ее: ликвидация кулачества как класса, сплошная коллективизация, массовое движение крестьянства в колхозы»¹⁾.

В проведении коллективизации на Дону Шолохов принимал самое непосредственное и живое участие. Он непримиримо боролся с перегибами в колхозном движении, участвовал в создании первого тракторного отряда в Вешенском районе, выступал со статьями, в которых говорил о высоких задачах, стоящих перед казаками Дона²⁾. В очерке «Бригадир Грачев», рассказывая о героизме тружеников сельского хозяйства, Шолохов писал:

«Грачев понял и крепко решил, что к старому, к единому нет возврата, так же как нет возврата от трактора к быку». «Грачевых — этих подлинных героев нашего времени — миллионы. Будущее принадлежит им»³⁾.

Писатель пристально всматривался и активно вмешивался в жизнь, кипевшую в те дни на берегах «тихого Дона». Из нее он черпал материал для своего нового романа. Прекрасное знание жизни в сочетании с глубоким пониманием политики партии по вопросам коллективизации деревни определило четкие идейно-художественные позиции Шолохова — помогло ему отобрать из жизни и типизировать те конкретные социально-исторические явления, которые выявляли смысл и значение происходивших в стране перемен. Автор «Поднятой целины» сосредоточил свое внимание на идее единства партии и народа в коллективизации, поставил своей задачей показать прочный союз рабочих и крестьянских масс, руководящую роль партии и рабочего класса в деревне.

1) «Молот», Ростов н/Д, 1934, 8 октября, № 4004, стр. 3.

2) М. Шолохов. За перестройку. «Большевистский Дон», Вешенская, 1931, 20 октября, № 130, стр. 1.

3) М. Шолохов. Бригадир Грачев. «Большевистский Дон», Вешенская, 1931, 7 ноября, № 134, стр. 4.

Создавая «Поднятую целину», Шолохов внимательно изучал решения съездов партии, постановления о коллективизации, работы И. В. Сталина. Указания партии этих лет, большие революционные события периода коллективизации осветили не только работу писателя над «Поднятой целиной». Они помогали ему глубже понять события, положенные в основу третьей книги «Тихого Дона».

Эта часть романа почти целиком посвящена изображению восстания казаков на верхнем Дону в 1919 году, которое возникло, как считает Шолохов, «в результате перегибов по отношению к казаку-средняку»¹⁾.

Раскрывая свои творческие замыслы, рассказывая о причинах возникновения этого восстания, Шолохов писал А. М. Горькому: «Думается мне, Алексей Максимович, что вопрос об отношениях к среднему крестьянству еще долго будет стоять и перед нами и перед коммунистами тех стран, которые пойдут дорогой нашей революции. Прошлогодня история с коллективизацией и перегибами, в какой-то мере аналогичными перегибам 1919 г., подтверждает это»²⁾.

А. С. Серафимович, побывавший на Южном фронте в 1919 году, в самые тревожные дни восстания Верхне-Донского округа, так же указывал на отдельные перегибы по отношению к казакам со стороны лиц, «примазавшихся к коммунистам и даже коммунистов, опозоривших себя злоупотреблениями и насилиями»³⁾.

Однако причины казацкого восстания в 1919 году надо искать не только в перегибах со стороны отдельных представителей советской власти, а в наличии среди казачества значительной зажиточной верхушки, сословных традиций. Предательскую роль сыграл и Троцкий, который намеренно искажал указания партии, проводя политику «расказачивания» казаков. Этим воспользовались денкинские и красновские эмиссары, скрывавшиеся в Верхне-Донском округе. Используя зажиточную казачью верхушку, играя на сословных чувствах казаков, сея прово-

1) Из неопубликованного письма М. А. Шолохова к А. М. Горькому. 6 июня 1931 г. ст. Вешенская. Цитируется по копии письма, представленной нам И. Г. Лежневым.

2) Там же.

3) А. Серафимович. Собр. соч., т. VIII. М., Гослитиздат, 1948, стр. 100.

кационные слухи о массовых грабежах и расстрелах казачества, они сумели превратить разновременные повстанческие вспышки в организованное выступление.

Продолжая работу над «Тихим Доном» в условиях обострившейся классовой борьбы периода коллективизации сельского хозяйства, Шолохов добивался яркой передачи непримиримого столкновения двух лагерей и в годы гражданской войны. Необходимость разоблачения старого мира, контрреволюционных сил диктовалась всем ходом развития нашего общества, строительством социализма, которое происходило в условиях преодоления трудностей и противоречий.

Остроту классовой борьбы в годы гражданской войны, сложность путей казачества в революции, Шолохов подчеркивает эпиграфом к первому отдельному изданию третьей книги:

Как ты, батюшка, славный тихий Дон,
Ты кормилец наш, Дон Иванович,
Про тебя лежит слава добрая,
Слава добрая, речь хорошая,
Как бывало ты все быстер бежишь,
Ты быстер бежишь, все чистехонек,
А теперь ты, Дон, все мутен течешь,
Помутился весь сверху донизу.
Речь возговорит славный тихий Дон:
«Уж как-то мне все мутну не быть,
Распустил я своих ясных соколов,
Ясных соколов — донских казаков,
Размываются без них мои круты бережки,
Высыпаются без них косы желтым песком»¹⁾.

Эта старинная казачья песня призвана особо подчеркнуть специфику третьей книги романа, выразить отношение автора к тому, что «тихий Дон» помутился весь сверху донизу», распустил своих «ясных соколов — донских казаков». В песне аллегорически выражен отход казачества от былых революционных традиций. Эпиграф указывает на то, что в третьей книге изображен самый напряжен-

¹⁾ Ср. Сборник донских народных песен. Сост. А. Савельев. СПб, 1866, с. 115—116. Здесь имеются лишь незначительные различия с текстом, приведенным Шолоховым в «Тихом Доне». Ср. строки 7, 8, 13. Приводим их полностью: «А теперь ты, кормилец, все мутен течешь, Помутился ты, Дон, сверху донизу»; «Размываются без них круты бережки». В сборнике А. Пивоварова этой песне дано название «Дон отпустил своих сынов на войну» (Сб. «Донские казачьи песни», Новочеркасск, 1885, с. 106).

ный, переломный момент на пути казачества в революции.

В это время перед советской литературой, как и на всех этапах ее развития, стояла задача создания типического образа положительного героя. Шолохов с самого начала работы над «Тихим Доном» хорошо понимал необходимость решения этой проблемы. Особенно плодотворно он решил ее в «Поднятой целине», а в третьей книге «Тихого Дона» выдвигал на первый план фигуру коммуниста из среды казаков — Михаила Кошевого. И в этом отношении третья книга романа знаменовала шаг писателя вперед, упрочение в его творчестве метода социалистического реализма.

2.

Работу над третьей книгой «Тихого Дона» М. Шолохов начал уже в 1928 году¹⁾, ей был посвящен и весь 1929 год.

Особенно плодотворным на творческом пути писателя было начало 30-х годов. В это время, напряженно работая над «Поднятой целиной», писатель завершал и третью книгу «Тихого Дона», дописывал и перерабатывал ее последние страницы.

Работа над «Тихим Доном» продолжалась в атмосфере исключительно напряженной идейной борьбы вокруг этого романа. Рапповская критика по-прежнему обвиняла Шолохова в том, что на его творчество «влияют кулацкие настроения», силилась доказать, что уже первая книга «Тихого Дона» «проникнута эмоциями безмятежного слияния с природой и великого счастья полурастительного существования трудового собственника», что писатель поэтизирует старый «тихий Дон», «естественного мужика»²⁾ и т. д.

Мало того, завистники и недоброжелатели из литературных кругов обвинили Шолохова в плагиате! Придумывая различные клеветнические версии, они всячески раздували их и распространяли в литературных кругах грязные слухи о том, что автором «Тихого Дона» является якобы не Шолохов, а некий убитый в годы гражданской

¹⁾ Отрывок из первой главы третьей книги «Тихого Дона» был опубликован в ростовской газете «Молот» (1928, 28 декабря, № 2224, с. 5) под названием «Казачья «Война и мир».

²⁾ «На лит. посту», 1930, № 11, стр. 44, 46.

войны белый офицер, из полевой сумки которого Шолохов будто бы извлек рукопись и выдал ее за свою. В издательствах, где печатался «Тихий Дон», раздавались телефонные звонки и неведомые люди сообщали, что к ним сейчас явится старушка, мать автора «Тихого Дона», желающая восстановить авторство «покойника сына».

Однако таинственная старушка не являлась, а клевета распространялась все шире и даже проникла в печать.

Злопыхательские выпады и грязная клевета систематически отвлекали Шолохова, мешали работать. В марте 1929 года на страницах «Правды» с открытым письмом, обличающим клеветников¹⁾, выступила группа писателей (А. Серафимович, А. Фадеев, В. Ставский и др.), хорошо знавших процесс работы Шолохова над романом, черновики его рукописей. После этой поддержки, оказанной Шолохову партийной печатью и пролетарскими писателями, голоса клеветников и злопыхателей смолкли. Шолохов получил возможность продолжать работу над романом.

Ростовский журнал «На подъеме» из номера в номер сообщал, что в 1929 году на его страницах будет продолжено печатание «Тихого Дона». Однако работа над третьей книгой, в основном к этому времени уже написанной, затягивалась. В одном из писем Шолохов прямо сообщал о том, что он не имеет возможности продолжить печатание романа: «Хочу поставить тебя в известность, что в этом году печатать в «Октябре» «Тихий Дон» не буду. Причина проста: я не смогу дать продолжение, т. к. 7 часть у меня не закончена и частично перерабатывается шестая. У меня этот год весьма урожайный: не успел весной избавиться от обвинения в плагиате, еще не отгребели рулады той сплетни, а на носу уже другая...²⁾».

Дело в том, что в ростовской комсомольской газете «Большевицкая смена» была напечатана статья «Творцы чистой литературы», автор которой, пользуясь исключительно обывательскими слухами, пытался опорочить Шолохова, как общественного деятеля и пролетарского писателя. Шолохову пришлось снова отложить рукопись, выехать в Ростов и вызвать комиссию для расследования клеветнических «фактов». «Обвинения эти лживы на-

¹⁾ «Правда», 1929, 29 марта, № 72, стр. 4.

²⁾ Из неопубликованного письма М. Шолохова, 3 октября, 1929 г. Ростов н/Д. Архив ИМЛИ, П. 68. 1051.

сквозь, — писал Шолохов в редакцию «Большевицкой смены» 4 октября 1929 г. — Считаю своим долгом заявить, что я целиком и полностью согласен с политикой партии и советской власти по крестьянскому вопросу. Я твердо убежден в том, что в период реконструкции сельского хозяйства нажим на кулака, задерживающего хлебные излишки, есть единственно правильная линия. Уже по одному этому я не мог быть защитником кулацких интересов»¹⁾. Вскоре специальной комиссией было установлено, что «выдвинутые против тов. Шолохова обвинения являются гнуснейшей клеветой и при расследовании ни одно из этих обвинений не подтвердилось»²⁾.

Однако и на этот раз Шолохов был надолго оторван от работы над романом. «Надоела мне эта жизнь очень шибко, — писал он, — решил: ежели еще какой-нибудь гад поднимет против меня кампанию, да вот с таким гнусным привкусом, объявить в печати, так и так, мол, выкладывайте *вся и все*, что имеете: два месяца вам сроку. Подожду 2 месяца, а потом начну работать. А то ведь так: только ты за перо, а «нечистый» тут, как тут, пытается: «А ты не белый офицер? А не старуха за тебя писала романишко? А кулаку помогаешь? А в правый уклон веруешь?». В результате даже из такого тонко воспитанного человека, как я, можно сделать матершинника и невежду, да еще меланхолию навесить ему на шею...»³⁾.

Кампания клеветы против Шолохова была вновь поднята в 1930 году, когда писатель завершал третью книгу романа.

«Горячая у меня пора сейчас, — писал М. А. Шолохов Серафимовичу, — кончаю третью книгу, а работе такая обстановка не способствует. У меня рука останавливается, и становится до смерти нехорошо. За какое лихо на меня в третий раз ополчаются братья-писатели? Ведь это же все идет из литературных кругов»⁴⁾.

Кроме того, в начале 1930 года Шолохову отказали

¹⁾ Письмо тов. М. Шолохова. «Большевицкая смена», Ростов н/Д, 1929, 6 октября, № 230, с. 4. Письмо было опубликовано также в газете «Молот» и журнале «На подъеме» (1929, № 10, с. 94—95).

²⁾ «На подъеме», Ростов н/Д, 1929, № 11, стр. 99.

³⁾ Из неопубликованного письма М. Шолохова. 3 октября 1929 г., Ростов н/Дону, Архив ИМЛИ, П. 68. 1051.

⁴⁾ Письмо М. А. Шолохова А. С. Серафимовичу. Станица Вешенская, 1 апреля 1930 г. ЦГАЛИ, ф. № 457, оп. 1, ед. хр. № 355, л. 5.

в публикации «Тихого Дона». Сообщая об этом Серафимовичу, Шолохов просил его прочитать эту часть романа и изложить свои взгляды на нее¹⁾.

Поддержанный партией и ведущими пролетарскими писателями, Шолохов находил в себе силы для завершения шестой части романа. В декабре 1929 года журнал «На подъеме» сообщил, что Шолохов «заканчивает третью книгу «Тихого Дона», а в конце мая 1930 года в Ростове состоялся организованный СКАПП-ом литературный вечер, на котором Шолохов прочитал отрывки из шестой части романа (в частности, главу о смерти Петра Мелехова). После обсуждения зачитанных глав, писатель выступил с заключительным словом, в котором предупредил, что основные его мысли найдут полное выражение в целом произведении. Большую трудность в освещении борьбы красных отрядов с повстанцами писатель объяснял отсутствием материала по вешенскому восстанию. Шолохов сказал, что «сам недоволен последними частями романа» и хочет «основательно обработать их». Отвечая на вопросы, он обещал читателям закончить третью книгу «к осени этого года»²⁾.

В июньском номере журнала «На подъеме» за 1930 год Шолохов впервые напечатал XIII, XIV, XV, XXVI, XXVII главы из шестой части романа. Сравнивая эти главы с текстом, который был впоследствии опубликован в «Октябре», можно убедиться, что Шолохов действительно «основательно перерабатывал» многие неудовлетворявшие его главы. В это же время писалась и седьмая часть романа. Это и давало Шолохову возможность обещать читателям, что в 1931 году «Тихий Дон» будет полностью завершен³⁾.

3.

Воссоздание картины противоречивого, сложного движения казачества в революции было связано с предварительным, тщательным изучением исторических источников, архивных документов. Шолохову приходилось часто пре-

1) ЦГАЛИ, ф. № 457, оп. 1, ед. хр. № 355, л. 4 об.

2) Беседа Мих. Шолохова с читателями. «На подъеме», Ростов н/Д, 1930, № 6, стр. 171—172.

3) М. Шолохов. Автобиография. В его кн.: Лазоревая степь, Донские рассказы 1923—1925 гг. М., Москв. т-во писателей, 1931, стр. 13.

рывать работу для того, чтобы собрать необходимые в дальнейшем материалы. «Когда выяснялось, что нужны архивные или исторические данные, писатель прерывал работу на месяц, другой и уезжал в Ростов или Москву, рылся в архивах. Особенно интересовали его газеты первых лет советской власти»¹⁾. И действительно, в третьей книге Шолохов не только использует сообщения различных газет при освещении событий, происходивших на Дону в 1919 году, но и непосредственно включает эти сообщения в историко-хроникальные описания.

«Материала у меня обилие, — говорил Шолохов в одной из бесед. — Все дело в том, чтобы этот материал не задавил, чтобы суметь его обобщить, переработать, отобрать наиболее значительное и политически действенное, чтобы каждый эпизод и каждая деталь несли свою нагрузку»²⁾. Несмотря на обилие скопившихся у писателя исторических фактов, дело осложнялось тем, что в третьей книге нужно было дать, по его словам, картину «вешенского восстания, еще не освещенного нигде»³⁾.

В годы, описываемые в третьей книге «Тихого Дона», Шолохов жил на Дону, многое видел своими глазами. Однако юношеские впечатления он всегда стремился подкреплять многочисленными рассказами очевидцев и участников событий. Во время работы над третьей книгой писатель часто выезжал в хутора и станицы, расспрашивая у жителей подробности о вспыхнувшем в 1919 году восстании, изучал те места, где разворачивались события, выяснял ход отдельных боевых операций, носивший чисто местный характер. Старожилы, вспоминая былое, и сейчас удивляются тому, как юный Шолохов смог увидеть и передать в романе правду тех лет. А. А. Попов, например, сам пережил и видел многое из того, что описано в «Тихом Доне». Он помнит Секретевский прорыв, был свидетелем восстания Фомина в Вешенской, наблюдал переправу повстанцев у хутора Громченки. «Все было так, как описывает Шолохов, — утверждает А. А. Попов. — Он очень внимательно выслушивал рассказы стариков, добываясь точности, выяснял все, что не пришлось увидеть».

Воссоздавая пути казачества в революции, Шолохову

¹⁾ «Известия», 1940, 12 июня, № 134, стр. 5.

²⁾ В. Кетлинская. Михаил Шолохов. «Комсомольская правда», 1934, 17 августа, № 191, стр. 3.

³⁾ «На подъеме», Ростов н/Д, 1930, № 6, стр. 172.

пришлось проделать сначала огромную работу историка, собрать материал, освещающий борьбу отрядов Красной Армии на Дону, уточнить размеры восстания, которое в течение трех месяцев, по словам писателя, «как язва, разъедало тыл красного фронта, требовало постоянной переброски частей, препятствовало бесперебойному питанию фронта боеприпасами и продовольствием, затрудняло отправку в тыл раненых и больных» (VII, 11) ¹⁾.

«Характерно, — пишет Шолохов, — что доподлинные размеры Верхне-донского восстания не установлены нашими историками, работающими по воссозданию истории гражданской войны, и до настоящего времени» (VII, 11). Писатель сообщает, что даже Реввоенсовет республики не был «достаточно осведомлен об истинных размерах восстания» (VII, 11).

В результате кропотливых разысканий Шолохову удалось установить, что «повстанцев было не 15000 человек, а 30000 — 35000; причем, вооружение их в апреле-мае составляло не «несколько пулеметов», а 25 орудий (из них 2 мортирки), около 100 пулеметов и по числу бойцов почти полное количество винтовок». Шолохов устанавливает так же, что восстание на правом берегу Дона не было подавлено в конце мая 1919 года: «Красными экспедиционными войсками была очищена территория правобережья от повстанцев, а вооруженные повстанческие силы и все население отступили на левую сторону Дона. Над Доном, на протяжении двухсот верст, были порыты траншеи, в которых поселили повстанцы, оборонявшиеся в течение двух недель, до Секретевского прорыва, до соединения с основными силами Донской армии» (VII, 11).

В сравнении с предшествующими книгами романа несколько изменяется характер использования исторических материалов. Лишь четыре главы написаны на основе обильного использования источников (I, IV, XI, XIV). Эти главы рисуют белогвардейский лагерь.

В LVII главе дана общая характеристика военного положения на Южном фронте, состояние воюющих сторон. В основном же Шолохов изредка прибегает к небольшим историко-описательным вставкам и введениям в главы

¹⁾ Ссылки на «Тихий Дон» в тексте статьи даны по первоначальной публикации третьей книги романа в журнале «Октябрь». В публикациях 1929 г. указывается год, номер журнала, страница (29, I, 64), 1932 года — номер журнала, страница (I, 6).

(см. II, VII, X, XXXII, XXXVIII, XXXIX, XLVI, XLVIII, LIX и др. гл. по отд. изд.). Конкретный исторический факт (напр., бунт 204 Сердобского полка, сдавшегося белоказакам) служит лишь основой исторической картины, органически вплетающейся в сюжет романа. Писатель не просто воспроизводит факты, имевшие место в действительности, а развертывает их в художественное повествование.

Значительно умереннее вводятся в текст и исторические документы: 1) Письмо генерала Краснова императору Вильгельму (Опубликовано в «Архиве русской революции», т. V, Берлин, 1922, с. 212); 2) Газетная информация о боях на филоновском направлении в сентябре 1918 года (газета «Верхне-Донской край»); 3) Листовка «Восстание в тылу» (Опубликована в газете «В пути», 1919, 12 мая); 4) Приказ по экспедиционным войскам. 8. № 100. Богучар, 25 мая 1919 г.

Описательное сообщение Краснова о том, что он телеграфом отдал приказ Фомину образумиться и стать на позицию и что тот ответил ему площадной бранью, дается в виде телеграфного разговора, принимая характер документа.

Часть документов, главным образом эпистолярного характера, связана с руководителями вешенского восстания: 1) Письмо члена повстанческого штаба Григорию Мелехову; 2) Воззвание о сборе свинца для литья пуль; 3) Письмо Кудинова Богатыреву; 4) Письмо Кудинова Григорию; 5) Приказ Кудинова о наступлении и ответ Григория. Приводится так же телеграфное сообщение о прибытии войск «союзников» и список арестованных врагов советской власти, препровождающихся в распоряжение следственной комиссии при ревтрибунале 15 Инзенской дивизии.

Если во вторую книгу Шолохов продолжал вводить не только лиц эпизодического характера, но и персонажей второго плана, которые становились в центре описываемых событий и отодвигали на второй план главных героев (количество персонажей к концу второй книги дошло до 400), то все введенные в третью книгу персонажи (их около 100) — или только упоминаемые, или, чаще, эпизодические лица, необходимые для воссоздания той новой среды, в которой раскрываются характеры главных героев.

В отличие от второй книги, где Григорий появлялся

лишь в некоторых главах, а все действия сосредотачивались вокруг Бунчука и Анны Погудко, Подтелкова и Кривошлыкова, в третьей книге почти все события связаны между собой через Григория Мелехова и призваны значительно шире осветить его пути и пути казачества на данном этапе (с конца апреля 1918 года по 19 мая 1919 года).

Освещение революционной борьбы на Дону требовало расширения круга действующих лиц романа. Вновь появляется Штокман, освещается деятельность Ивана Алексеевича Котлярова, значительно полнее раскрывается характер Кошевого, вводятся эпизодические образы красноармейцев, комиссаров, среди которых особенно выделяется фигура командира карательного отряда 8 Красной Армии коммуниста Лихачева.

Живя на Дону в годы гражданской войны, Шолохов своими глазами видел, как тяжело складывались в водовороте событий судьбы людей, боровшихся за новую жизнь. С детства знал он и Ивана Алексеевича Сердинова, машиниста плешаковской мельницы. Д. М. Бабичев так рассказывал мне о трагической гибели Ивана Алексеевича:

«Взяли его казаки-повстанцы в плен и погнали по хуторам, по-над Доном, на Вешки. Весной это было, народу собралось — масса, когда проводили его через хутор. Может и Мишка Шолохов тут был — не припомню что-то. Вдова казачьего офицера Марья Дудурова страшно издевалась над нашим Иваном Алексеевичем. Лютая была баба. Она тут же и убила его самолично и добровольно».

Жизненные наблюдения использованы Шолоховым при обрисовке даже эпизодических персонажей, не сохранивших в романе подлинных фамилий (делегаты Круга, казак-старовер, вахмистр, надругавшийся над арестованными коммунистами из Сердобского полка и др.).

«В 6-й части, — писал Шолохов Горькому, — я вывел ряд «щелкоперов от Советской власти» (парень из округа, приехавший разбирать конфискованную одежду (176), отчасти обиженный белыми луганец (133), комиссар 9-й армии Малкин — подлинно существовавший и проделывавший то, о чем я рассказал устами подводчика-старовера, члена малкинской коллегии — тоже доподлинный тип, агитировавший за социализм столь оригинальным способом (252—255) для того, чтобы противопоставив им Кошевого, Штокмана, Ивана Алексеевича и др., показать, что эти

самые «загибщики» искажали идею Советской власти»¹⁾.

В роман вводятся и организаторы белоказацкого восстания. Писатель сохраняет их подлинные имена и фамилии. Это — помощник Григория — Рябчиков, хорунжий Харлампий Ермаков, командующий мятежниками, хорунжий Кудинов, его начальник штаба подъесаул Илья Сафонов, командир 6-й повстанческой бригады Богатырев и другие. Среди реальных лиц и царские генералы (Деникин, Краснов, Фицхелауров, Секретев, Сидорин), своими фамилиями названы подполковник Георгадзе, офицер Петр Богатырев, подхорунжий Лапченков, есаул Полтавцев, начальник штаба дивизии Михаил Копылов и другие.

Большую роль в обрисовке событий и людей этих лет сыграло опять-таки то, что Шолохов был свидетелем многих событий, лично знал людей, о которых писал. «Скажем, Фомин, — рассказывал мне Шолохов. — Мне пришлось жить с ним в одном хуторе, за Доном, около двух-трех месяцев. Часто вели мы горячие споры на политические темы... Я жил и живу среди своих героев. И это, пожалуй, — главное. Вне той среды и обстановки, о которой пишешь, вряд ли можно создать что-либо порядочное. Мне бы без этой связи не написать своих романов».

Хорошо знал писатель и Харлампия Ермакова, от которого получил большой материал о размерах и ходе восстания, о его участниках. Там, где не хватало личных впечатлений и материалов, почерпнутых из бесед с казаками, Шолохов прибегал к газетным сведениям. Так, отталиваясь от сообщений газеты «Донские ведомости», он рисовал белых генералов Сидорина и Секретева.

Тщательное изучение и сопоставление громадного количества материала, полученного из разных источников и положенного в основу художественного повествования, позволило Шолохову с точностью в малейших деталях обрисовать даже тех лиц, с которыми ему не довелось встречаться. Не случайно командующий повстанцами Павел Кудинов, оказавшийся в эмиграции, удивляется большой осведомленностью Шолохова, и тем, откуда писатель узнал о замыслах и планах восстания²⁾.

¹⁾ Из неопубликованного письма М. А. Шолохова к А. М. Горькому. 6 июня 1931 г. Ст. Вешенская. В скобках — страницы по рукописи романа, присланной М. Горькому.

²⁾ К. П р и й м а. Шолохов в Вешках. «Сов. Казахстан», 1955, № 5, стр. 87.

На конкретные факты опирался Шолохов и в показе англо-французской интервенции на юге России. Он упоминает представителей английских и французских миссий, принимавших все меры для подавления революции в России, рассказывает о приезде на Дон представителей Англии: капитана Бонда, лейтенантов Блумфельда, Монро, офицеров Эдварда, Олькотта, генералов Пуля и Бриггса, полковника Кисса, представителей Франции — генерала Франше д'Эспоре, капитанов Ошэн Фуке, Бартелло, лейтенантов Дюпре, Фора и Эрлиха.

Отвечая на отзывы английской прессы, твердившей о «жестокости русских нравов», Шолохов писал: «И не более ли жестоки и бесчеловечны были те культурные нации, которые в 1918—1920 годах посылали свои войска на мою измученную родину и пытались вооруженной рукой навязать свою волю русскому народу?»¹⁾

Эпизодические персонажи, введенные в роман без каких-либо предисторий и экскурсов, не определяют движения его сюжета. Писатель ограничивается участием их в отдельных эпизодах, необходимых для раскрытия исторической обстановки, показа борющихся лагерей или для характеристики главных героев романа, количество которых сокращается в связи с выходом ряда персонажей из повествования. Погибают Штокман и Котляров, расстреливают активных участников белогвардейского движения — Петра Мелехова и Мирона Коршунова, прерывается линия Листницких, семья Моховых лишь упоминается.

Сужается не только круг центральных персонажей, но и место действия романа. Все события, описанные в третьей книге, не выходят за пределы Дона (Миллерово, Новочеркасск, Манычская), происходят большей частью в хуторах и станицах Верхнего Дона (Татарский, Ягодное, Вешенская, Каргинская, Усть-Хоперская, Рубежин, Рыбный, Лиховидов, Бахмуткин, Сингин, Базки и др.).

Шолохов последовательно, с точной датировкой описывает бои и события на различных участках повстанческого фронта вплоть до перехода повстанцев к обороне за Доном. По мере развертывания повествования писатель усиливает мотивы неизбежной гибели контрреволюционных сил, раскрывает противоречия в среде заблудив-

¹⁾ М. Шолохов. «Английским читателям» 10. VI. 1934 г., ст. Вешенская. Публикация В. Гура. В кн.: Михаил Шолохов. Л., изд. ЛГУ, 1956, стр. 265.

шегося и пошедшего на восстание трудового казачества, подчеркивает веру коммунистов в торжество советской власти.

4.

Драматизм повествования в третьей книге «Тихого Дона» обусловлен остротой классовой борьбы на Дону в годы гражданской войны, сложностью путей казачества в революции.

В апреле 1918 года «на Дону завершился великий раздел»: часть казаков ушла с отступавшими частями красногвардейцев, низовские же казаки оказались и на этот раз на стороне реакции.

«Только в 1918 году, — пишет Шолохов, — история окончательно разделила верховцев с низовцами. Но начало раздела намечалось еще сотни лет назад, когда менее зажиточные казаки северных округов, не имевшие ни тучных земель Приазовья, ни виноградников, ни богатых охотничьих и рыбных промыслов, временами откалывались от Черкаска, чинили самовольные набеги на великоросские земли и служили надежным оплотом всем бунтарям, начиная от Разина и кончая Секачем.

Даже в позднейшие времена, когда все войско глухо волновалось, придавленное державной десницей, верховские казаки поднимались открыто и, руководимые своими атаманами, трясли царевы устои: бились с коронными войсками, грабили на Дону караваны, перемётывались на Волгу и подбивали на бунт сломленное Запорожье» (29, I, 63).

Шолохов снова обращает внимание на давнюю классовую дифференциацию казачества, видит причину его сложных путей в революции в особых экономических условиях. Поэтому, как и в первой книге, писатель раскрывает условия жизни и быта казаков, прослеживает те изменения, которые происходят в его среде за годы революции и гражданской войны.

Мирон Коршунов по-прежнему со звериной жадностью стережет свое добро, Пантелей Прокофьевич не утрачивает страсти накопительства, грабя казаков, ушедших с Красной Армией. Однако в описании жизни и быта казаков явно преобладают мотивы упадка и опустошения. Шолохов показывает, как в ходе острой классовой борьбы рушатся косные казачьи традиции, как гибнут защитники

старого мира. Тот же Пантелей Прокофьевич уже с меньшим интересом относится к своему добру. Даже Мирон Коршунов стал равнодушнее к хозяйству, уменьшил посевы, за обесцененные деньги продавал быков и лошадей.

Сам характер бытовых сцен в третьей книге несколько иной: это — сцены похорон Мирона Коршунова и Петра Мелехова, сцена пьяного разгула, в котором участвовал Григорий, это — описание запустения куреней Мелеховых, Коршуновых, Кошевых, Фомина. Мотивы гибели, опустошения и запустения усиливаются к концу третьей книги. Когда Кошевой приезжает в Татарский, его поражает «несвойственное хутору великое безмолвие»: «У куреней были наглухо закрыты ставни, на дворах кое-где висели замки, но большинство дверей было распахнуто настежь. Словно мор прошел черными стопами по хутору, обезлюдив базы и улицы, пустотой и нежильем наполнив жилые постройки» (X, 28).

Если при обрисовке белогвардейского лагеря писатель опирался в основном на мемуарный материал и литературные источники, то изображая жизнь простых казаков, он снова прибегал к этнографическим материалам и свидетельствам устной поэзии народа, использовал похоронные обряды и причеты, любовные, походные и плясовые песни, и особенно песни частушечного характера. Правда, непосредственное включение в текст песенных строк встречается значительно реже, чем в первых книгах. Ими насыщена, пожалуй, только XII глава (по отд. изд.). Здесь и строки из плясовой песни («Вот теперя нам пожить, погулять...»), и из любовной («Ты, мальчишечка, разбедняжечка...»), и из походной («... Да со службыцы домой»). Все эти песни призваны передать атмосферу пьяного разгула тоски и грусти казаков, пытавшихся создать иллюзию подлинного веселья, заглушить смутное сознание вины перед советской властью.

Существенные изменения происходят в репертуаре песен, исполняемых казаками: появляются песни-частушки, рожденные в годы войны как отклик на современные события, в текст романа включаются песни, переосмысливающие старые мотивы (напр., «Помаленечку я шел...»). Песня «Уж ты, дедушка-ведмедушка», рассказывающая о том, как жена просит купить ей сарафан, утрачивает юмористический смысл, окрашивается тоской по убитому казаку Шамилю, который любил «играть» эту песню.

Цитаты из устно-поэтических текстов особенно обильно используются Шолоховым в пейзажных картинах и лирических отступлениях, в поэтике романа, для которой характерны свойственные народному творчеству параллели, символы, звукозапись и другие приемы песенной организации. Шолохов не случайно защищал лирические куски, бытовые сцены романа: они играют важную роль в раскрытии идейного смысла произведения. Живописуя быт казаков, Шолохов раскрывает те силы, которые тянули их в лагерь контрреволюции, показывает разрушение косного быта, собственнического уклада под ударами революции, пути казаков к новой жизни.

Изображение судеб центральных героев романа тесно переплетается с изображением путей казачества в революции. Дороги братьев Мелеховых расходятся. Петр тревожится по поводу того, что Григорий может переметнуться к красным («Ты, Гришатка, себя не нашел»). Петр заявляет, что он «на свою борозду попал» и требует от брата прямого ответа, но Григорий говорит неохотно, неопределенно: «На вряд ли. Не знаю». Шолохов аллегорически раскрывает его неустойчивость, рисуя картину, как бы символизирующую финал его метаний: «Так, под буераком по кособокому склону скользит, вьется гладкая, выстриженная козьими копытами тропка и вдруг где-нибудь на повороте, нырнув на днище, кончится, как обрезанная, — нет дальше пути, степной лопушится бурьян, топырься неприветливым тупиком» (29, 1). Всем дальнейшим повествованием Шолохов показывает, как шел Григорий к «неприветливому тупику».

Все большая утрата связей с народом, отсутствие четко определенного места в обостряющейся борьбе углубляет духовное падение Григория. Став «на грани в борьбе двух начал», он отрицает оба их, не знает, куда ему прислониться, начинает искать третий, несуществующий путь в революции. Пытаясь уйти от мучительных раздумий, он глушит разум в непрерывном пьянстве и разгуле. Разум, хладнокровие, расчетливость покидают его, в бою им правит лишь «дикое животное возбуждение».

Трагичность положения безнадежно запутавшегося Григория становится особенно ощутимой, драматизм нарастает, достигая своей кульминации в сцене (XL—IV гл.), где Григорий осознает несправедливость «бессмысленной жестокости», звериной расправы, которую он учиня-

ет над революционными матросами. Он бьется в эпилептическом припадке, понимая, что нет ему прощения, что пути к правде отрезаны и остается одно — смерть.

Эту кульминационную главу Шолохов завершает отступлением, очень важным для понимания финала романа: «Лишь трава растет на земле, безучастно приемля солнце и непогоду, питаюсь земными жизнетворящими соками, покорно клонясь под гибельным дыханием бурь. А потом, кинув по ветру семя, столь же безучастно умирает, шелестом отживших былинки своих приветствуя осеннее солнце, лучшее смерть...» (III, 7).

После этих событий Григорий все чаще жалуется на отсутствие радостей в жизни, становится безучастным, безразличным к исходу борьбы, в которой участвует.

Сцены встречи Григория с Аксиньей в Вешенской еще больше наращивают трагизм судьбы центральных героев романа. Аксинья и на этот раз слепо пошла за Григорием: для нее «уже ничего не существовало, кроме Григория», «мир умирал для нее, когда Григорий отсутствовал, и возвращался заново, когда он был около нее» (VIII, 15). Уже в третьей книге Шолохов указывает на «скорбную усталость», которая появляется в глазах Аксиньи, на чувство тревоги за судьбу Григория и тесно связанную с ним свою судьбу.

Рисую в третьей книге обострение классовой борьбы на Дону, сложные пути казачества в революции, Шолохов тесно связывает с событиями судьбы отдельных личностей, раскрывает взаимоотношения личности и народа.

5.

В процессе работы над романом отчетливо ясным становился финал его, а это вносило некоторые изменения в еще не опубликованную третью книгу. В каком направлении шла переработка третьей книги, какого характера изменения были в нее внесены, можно судить, сравнивая главы, опубликованные еще в процессе работы над романом в журнале «На подъеме», с последней их редакцией.

Сравнение показывает, что до 1930 года образ Кошевого и его центральная роль в романе не были еще отчетливо ясны писателю. Работая над четвертой книгой, Шолохов решил выдвинуть Кошевого «с заднего плана и сосредоточить на нем большее внимание». Такая необходи-

мость диктовалась, видимо, внесением некоторых уточнений в общий, давно намеченный, план романа. В соответствии с принятыми уточнениями, необходимыми для четвертой книги, Шолохов вносил поправки и в те главы шестой части романа, которые были уже опубликованы. Поправки эти оправдывают закономерность выдвижения Кошевого с «заднего плана» и противопоставление его Григорию Мелехову.

Вторая книга романа завершалась сообщением о том, что Кошевой по приговору военно-полевого суда был отправлен этапом на фронт. Описывая дальнейшие события в жизни Кошевого, Шолохов показывает его службу в атарщиках, подчеркивает, что Кошевого не удовлетворяет отрешенность от жизни. Он тяготится одиночеством, боится, что его засосет умиротворяющая степная тишина. Кошевой не может находиться вне борьбы, когда решается судьба народа, его не покидает стремление добиться правды для народа, «равноправия всем». Писателю удается поэтически ярко передать настроения героя, символическую схватку его с обезумевшим во время ночного грома табуном. Характерно, что именно в главы, посвященные Кошевому, писатель включает лирическое отступление, выражающее любовь к родине не только автора, но его героя, ведущего борьбу за народные интересы.

С установлением советской власти на хуторе Кошевой избирается товарищем председателя Совета. Он хорошо понимает враждебность Григория народу и, несмотря на то, что чувство ненависти к нему переплеталось с чувством жалости к близкому школьному другу, Кошевой готов в любое время арестовать Григория Мелехова.

Таким образом, Шолохов уже в третьей книге подчеркивает принципиальность, сознание революционного долга, свойственные Кошевому. Необходимости противопоставления пути Кошевого в революции двойственному поведению Григория, противопоставления, особенно важного в конце романа, и была подчинена переработка тех сцен, в которых главные качества Кошевого были выражены не достаточно отчетливо.

Почти коренной переработке подвергается XXVII (в тексте журнала «Октябрь» — XXVI гл.), в которой рисуется избиение Кошевого восставшими казаками его хутора. Сравним тексты журналов «На подъеме» и «Октябрь».

Выстрел. Емельян, не роняя из рук вожжей, упал. Лошади скоком воткнулись в плетень, и на миг не пришла Кошевому в голову мысль о защите. Он тихо слез с коней, не глянув на Емельяна, отошел к плетню. К нему подбегали. Антип, скользя ногами, обутыми в чирики, качнулся, стал, кинул к плечу винтовку. Падая на плетень, Мишка увидел в руках у одного старика белые зубья вил-тройчаток.

— Бей его!

Кошевой без крика лег лицом вниз, ладонями закрыв глаза. Упал он не от боли (пуля лишь слегка оцарапала ему плечо), а скорее от страха. Он ждал разрешающего мгновения смерти. Но человек нагнулся над ним с тяжким дыхом, пырнул его вилами не до смерти¹⁾.

В тексте журнала «На подъеме» Кошевой предстает безвольным, он падает не от боли, а «скорее от страха», несмотря на то, что пуля «лишь слегка оцарапала ему плечо». Кошевой не пытается защищаться, тихо сходит с саней, отходит к плетню, ложится лицом вниз, ждет смерти.

Публикуя всю книгу в журнале «Октябрь» в 1932 году, Шолохов совершенно иначе раскрывает поведение Кошевого. Писатель указывает, что Кошевой «не успел приготовиться к защите», так как его вышибло из саней, но он вскочил на ноги и лишь после выстрела от ожога в плече упал вниз. Писатель вычеркивает строки, говорящие о незащитности, страхе, медлительности, покорности Кошевого и находит слова, передающие стремление Кошевого защищаться, его волю к жизни.

В таком же плане перерабатывается вся эта глава. В тексте журнала «На подъеме» Кошевой униженно просит Степана Астахова припрятать его от восставших каза-

Выстрел. Емельян, не роняя из рук вожжей, упал с саней. Лошади скоком воткнулись в плетень. Кошевой не успел приготовиться к защите. Удар саней выбросил его к плетню, и, вскакивая на ноги, он заметил, как, подбегая к нему, Антип, скользя ногами, обутыми в чирики, качнулся, стал, кинул к плечу винтовку. Падая на плетень, Мишка заметил в руках одного старика белые зубья вил-тройчаток.

— Бей его!

От ожога в плече Кошевой без крика упал вниз, ладонями закрыл глаза. Человек нагнулся над ним с тяжким дыхом, пырнул его вилами.

(1, 38)

¹⁾ «На подъеме», Ростов н/Д., 1930, № 6, стр. 15—16.

ков. «Всю жизнь буду слугой... Пособи! — Мишка тихо всхлипнул»¹). Даже мать Кошевого отказывается помочь своему сыну, что никак не вяжется с ее обликом. «Мать плакала, но голос ее был тверд и даже враждебен. Как ни уговаривал ее Мишка спрятать его под полом на базу, — мать не соглашалась!» Между матерью и сыном происходит такой разговор:

« — Уходи. Смерть ты на меня наводишь.

— Куда же я пойду, маманя? Куда ты меня гонишь? Али я тебе не сын?»

— Иди, куда хошь, нехай убьют, но не на моих глазыньках. Бери кобылу и езжай. Уходи. Не хочу я тебя тут зрить»²).

Все эти детали, принижающие образ Кошевого и его матери, устраняются писателем при первой же полной публикации книги в журнале «Октябрь». Выдвигая Кошевого «с заднего плана», Шолохов вносил изменения в его образ, развернутый уже на страницах третьей книги, добивался создания яркой фигуры коммуниста, мужественно защищающего дело революции, отстаивающего ее завоевания в дни становления советской власти.

В дальнейшем Шолохов прослеживает последовательную борьбу Кошевого в лагере революционеров, его непримиримое отношение к врагам советской власти. Характерно, что Шолохов снова, как и вторую книгу, завершает третий том главой о Михаиле Кошевом, выдвигая на первый план его жгучую ненависть к восставшим казакам: «Непримиримую, беспощадную войну вел он с казачьей сытостью, с казачьим вероломством, со всем тем нерушимым и косным укладом жизни, который столетиями покоился под крышами оснистых куреней» (X, 26). Кошевой безжалостно выжигает купеческие и поповские дома, курени тех зажиточных казаков, которые толкали на восстание темную казачью массу, убивает деда Гришку, видя в нем воплощение самых закоснелых казачьих традиций. Кошевой уверен в том, что «установится мирная советская власть по всему свету».

Преданность делу революции, чувство революционного долга, громадную человечность и обаяние раскрывает Шолохов и в образах других коммунистов — Ивана

¹) «На подъеме», Ростов н. Д., 1930, № 6, стр. 16.

²) Там же, стр. 17.

Алексеевича Котлярова и Штокмана. Котляров группирует вокруг себя казачью бедноту так же, как и Кошевой, непримирим к казакам, подобным Григорию Мелехову, который, по его словам, не может прибиться к берегу и плавает, «как коровий помет в проруби». Шолохов прослеживает дальнейший рост революционного сознания Ивана Алексеевича в условиях борьбы за установление советской власти на Дону. Котляров видит теперь свои прошлые ошибки и осуждает себя за жалость к врагам. «Не жалеть надо было, а бить и вырубать все до корня» — к такому выводу приходит Котляров. Перед смертью он говорит: «Што же, братцы, умели мы воевать, надо суметь и помереть с гордостью... Об одном мы должны помнить до последнего вздоха. Одна нам остается мысленная утеха, что хотя нас и уколотят, но ить советскую власть колом не убьешь! Коммунисты, братцы! Помрем же твердо, штобы враги над нами не надсмехались!». (VII, 5).

Типические черты коммуниста раскрываются и через эпизодические образы. Писатель включает в повествование рассказ красноармейца, который совершил героический подвиг, взорвал мост в тылу у белых. На вопрос, боялся ли он смерти, красноармеец ответил: «Я коммунист... Мне нельзя трусить... Я знаю, за что и с кем я воюю, знаю, что мы победим. А это — главное».

Мужество, умение противостоять врагу, вера в торжество правого дела характерны и для комиссара Лихачева. Рисуя эти образы, Шолохов добивался многообразия индивидуальных характеров коммунистов, подчеркивал их героизм, духовные силы, выявлявшиеся в драматической борьбе.

В третьей книге они противопоставляются не только врагам, но и «шелкоперам от советской власти». Кошевой, Штокман, Котляров, Лихачев рисуются как выразители народной правды. Писатель прослеживает последовательную борьбу коммунистов Дона за интересы трудового казачества. Напряженность схватки со старым миром, в которой участвуют коммунисты, поддерживает остроту конфликта всего повествования.

Образы коммунистов в третьей книге выдвигаются на первый план. В этом нельзя не видеть опыта работы писателя над «Поднятой целиной», создававшейся в это же время. Характеры коммунистов раскрываются в действиях, через поступки, в процессе борьбы за советскую

власть, как ее представители на хуторе Татарском. Образы Кошевого и Котлярова являются ярким примером закономерного прихода бедняцкого казачества к революции.

Штокман, Иван Алексеевич и многие другие коммунисты гибнут в борьбе с контрреволюцией, но они никогда не утрачивают веры в торжество народного дела, в его светлое будущее. Писатель утверждает бессмертие тех идей, за которые они борются. Это и придает оптимистическое звучание третьей книге «Тихого Дона», как части всего произведения.

6.

«Основательная переработка», которой подверглась шестая часть, будучи в основном уже написанной, сказана и на характере изображения белогвардейского лагеря. Шолохов усиливает показ морального разложения офицерства, четче, чем в предыдущих книгах, дает характеристику белых генералов, особенно Краснова и Деникина, обнажая продажную контрреволюционную политику «вождей» белогвардейского движения.

В обрисовке Краснова, ставшего во главе контрреволюционного движения на Дону весной 1918 года, как и в изображении всего лагеря интервенции, писатель опирался на свидетельство самих белогвардейцев, поднимаясь до сатирических заострений. Выступая в 1937 году с речью в Новочеркасске, Шолохов говорил о Краснове, как о «продажном мерзавце», который обманывал трудящееся казачество и вовлекал его в гражданскую войну. «Атаман Краснов и прочие, подобные ему политические пройдохи», прикрываясь любовью к родине, «приглашали на донскую землю немецких оккупантов и потом, так называемых, «союзников» — англичан и французов. Говорили о любви к родине и одновременно торговали кровью казаков, обменивали ее на предметы вооружения, для борьбы с советской властью, с русским народом». Изучив большое количество материалов, Шолохов хорошо видел, что «Краснов опирался на иноземные штыки, чтобы при их помощи задушить молодую советскую власть», чтобы «загородить» дорогу революции, загородить дорогу великому русскому народу, строящему новую жизнь»¹⁾.

¹⁾ Речь М. А. Шолохова к избирателям. В кн.: Мастера искусств — депутаты Верховного Совета СССР. «Искусство», 1938, с. 41, 42.

Усиливая разоблачение белогвардейского лагеря, писатель подробно останавливается на мелочных склоках, взаимных подсиживаниях в их среде, документально подтверждает предательство Краснова германским империалистам, лакейское выслуживание Краснова и Деникина перед «союзниками».

Воссоздав атмосферу избрания Краснова атаманом¹⁾, Шолохов обращает внимание на склочные отношения между Красновым, стремившимся к «монаршей власти», и лагерем Деникина. Сцена переговоров между ними (гл. IV) пронизана отстрыми авторскими оценками. Алексеев «безучастно закрыл глаза» «как бы сохся от старости», его «бесконечно усталое лицо», «белело, как гипсовая маска». «Безлестный преданный союзникам» Деникин не мог простить Краснову «немецкой ориентации», говорил «резко», «зло изогнув бровь», «сердито» дергая плечами. «Нервный тик подергивал и искажал рот» Краснова. Богаевский «нервически» крутил ус.

Шолохов указывает, что «встреча дышала холодком», подчеркивает вражду и неприязнь, установившиеся между Деникиным и Красновым, сообщает, что добровольцы высмеивали стремление Краснова к автономии, к «вождизму», презрительно называли его «хузином», Всевеликое войско Донское — «всевеселым», донское правительство — «проституткой, зарабатывающей на немецкой постели». Донские самостийники не оставались в долгу, величали «добровольцев» «странствующими музыкантами», а Добровольческую армию — котом, живущим на средства проститутки.

Изображение белогвардейского лагеря становится резко сатирическим. Шолохов нередко вкрапливает в постановление такие оценки: Ростов и Новочеркасск, «как падаль червями кишели офицерами», офицеры, растеряв «и честь и совесть, пошакальи прятались в тылах, грязной накипью, навозом плавали на поверхности героических дней», это была «па-

¹⁾ Ср. с воспоминаниями Краснова «Всевеликое Войско Донское» (Архив русской революции, т. V, Берлин, 1922, с. 190—198). Шолохов устами делегата-учителя так характеризует Краснова: «И генерал паршивый, и писатель ник черту! Шаркун придворный, подлиза!.. Вот, поглядите, продаст он Дон первому же покупателю, на обчин! Мелкий человек...». («Тихий Дон» М., ГИХЛ, 1941, стр. 334).

костная разновидность», так называемой «мыслящей интеллигенции».

Шолохов раскрывает продажность Краснова и немцам и англо-французским империалистам-интервентам. Этого писатель достигает, с одной стороны, цитированием подобострастного письма Краснова германскому кайзеру Вильгельму II, с другой — воссозданием приезда в Новочеркасск военной миссии держав Согласия (25 ноября 1918 года).

Краснов в воспоминаниях «Всевеликое Войско Донское»¹⁾ подробно описывает этот «исторический момент». Пытаясь «объективно» представить события, он ведет повествование от третьего лица, называя себя не иначе как «атаманом», «атаманом Всевеликого Войска Донского», а в конце — «бывшим атаманом». Несмотря на этот прием генерала-беллетриста, видно, что ему очень не хочется предстать в невыгодном освещении.

Многословные невыразительные писания Краснова послужили лишь отправным моментом в работе Шолохова над XI главой. Если Краснов (забудем о его мнимом стремлении к объективности) с огромной симпатией и слепым восторгом описывает приезд этой, с позволения сказать, миссии, то повествование Шолохова принимает саркастический характер:

«Приезд этих-то небольших чинов союзнических военных миссий, по капризу случая попавших в «послы», и наделал столько переполоху в атаманском дворце.

С великим почетом доставили «послов» в Новочеркасск. Непомерным подобострастием и пресмыкательством вскружили головы скромным офицерам, и те, почувствовав свое «истинное» величие, уже стали покровительственно и свысока посматривать на именитых казачьих генералов и сановников всевеликой бутафорской республики.

У молодых французских лейтенантов сквозь внешний лоск приличия и притворной французской любезности уже начали пробиваться в разговорах с казачьими генералами холодные нотки снисходительности и высокомерия» (V—VI, 261).

«Чувствуя историческую значимость момента», ата-

¹⁾ См. кн. «Революция и гражданская война в описании белогвардейцев. Начало гражданской войны». Сост. С. А. Алексеев. М.-Л., ГИЗ, 1926.

манские гости да и сам атаман и с подтишка рассматривали «послов». «Донской атаман, беллетрист», пресмыкаясь, проглядел комизм своего положения. Встреча «гостей» с колокольным звоном и «певучими звуками донского гимна» выглядела довольно смешно. Это и заметил Шолохов, нарисовав всю «встречу» в сатирико-саркастическом плане. Писатель раскрывает истинную сущность этого «исторического момента». Последовательно передавая содержание напыщенных речей и тостов, Шолохов завершает всю эту сцену сатирической концовкой:

«Оркестр мощно и плавно начал «Боже царя храни». Все поднялись, осушая бакалы. По лицу седого архиепископа Гермогена текли обильные слезы. «Как это прекрасно!» — восторгался захмелевший капитан Вонд. Кто-то из сановитых гостей, от полноты чувств, по-простецки рыдал, уткнув бороду в салфетку, измазанную раздавленной зернистой икрой...» (V—VI, 262).

Несмотря на постоянное вмешательство писателя в повествование, потребовался именно такой конец, который снимал бы всю торжественность и «историческую значимость момента» и завершал сцену с явным сарказмом.

Шолохов сохраняет содержание всех речей и тостов, передает их последовательность и обстановку встречи почти так же, как передана она у Краснова, для того, чтобы, пронизывая повествование авторской иронией, окончательно снизить торжественность, разоблачить напыщенность этих речей в конце главы.

Писатель не только дает свою авторскую оценку событиям, не только поднимается до беспощадного обвинения. Он не просто воспроизводит реальные факты, но придает сырому фактическому материалу, полученному из мемуаров, точное и образное выражение.

Шолохова не удовлетворяет восторженная фраза Краснова, «эти слова были покрыты громовым «ура». В шолоховской передаче этот факт принимает иной смысл, иное звучание: «Зычное «ура», тоекратно повторенное, заставило содрогнуться стены зала». Сухая протокольная запись Краснова (например, «шли тосты за войско донское и союзников» и т. д.) расширяется Шолоховым, на ее основе возникает художественный образ, и перед читателем встает зримая картина жуткой пьянки в атаманском дворце.

Шолохов добивался более точного, более достоверного и подлинно художественного изображения, поэтому он часто вносил принципиальные уточнения в использованный материал. Краснов, например, не мог, как пишет он, сказать «ура». Он должен был крикнуть «ура». Поэтому, вместо «атаман при гробовом молчании всего зала отчетливо сказал», Шолохов пишет: «Краснов, поворачиваясь побледневшим от волнения лицом к гостям, крикнул сорвавшимся голосом». «Побледнеть от волнения» генерала заставляет речь капитана Бонда, вдруг пожелавшего услышать старый гимн, «крикнуть», а не «сказать» обязывало патетическое восклицание «за великую единую и неделимую Россию». «Сорвавшийся голос» передает волнение и растерянность донского атамана, о чем Краснов предпочел умолчать в своих мемуарах. Однако эта деталь важна для Шолохова. Она хорошо передает и атмосферу встречи, и состояние самого Краснова, и отношение к нему писателя.

Пронизывая повествование едкими авторскими оценками, передавая встречу с офицерами союзных держав в тонком сатирическом освещении, Шолохов не ограничивается только этим. Чтобы подчеркнуть остроту социального конфликта, вызвать соответственно идейному замыслу произведения определенное отношение читателя к происходящему, писатель прибегает к контрастному описанию совершающегося за стенами атаманского дворца.

«В эту ночь над городом выл и ревел лютый приазовский ветер. Мёртвенней блистал купол собора, овеванный первой метелицей...

В эту ночь за городом, на свалке, в суглинистых ярах по приговору военно-полевого суда расстреливали шахтинских большевиков-железнодорожников. С завязанными назад руками их по двое подводили к откосу, били в упор из наганов и винтовок, и звуки выстрелов изморозный ветер гасил, как искры из папирос...

А у входа в атаманский дворец, на стуже, на палящем ноябрьском ветру мертво стыл почетный караул из казаков лейб-гвардии Атаманского полка. У казаков чернели, сходились с пару руки, сжимавшие эфесы обнаженных палашей, от холода слезились глаза, коченели ноги... Из дворца до зари неслись пьяные крики, медные всплески оркестра и рыдающие трели теноров войскового хора песенников» (V—VI, 262).

Рисуя действительность за стенами дворца, Шолохов раскрывает подлинное лицо белогвардейских правителей и их «гостей» и определяет отношение к ним читателя.

Подобный же принцип отбора материала и его освещения использован Шолоховым и в сцене поездки союзнической миссии на фронт. На конкретные факты, заимствованные из донских газет, опирается он и при описании посещения генералом Сидориным станицы Вешенской, и при обрисовке генерала Секретева. Причем сатирическое обличие царских генералов сопровождается комизмом положений, в которые они нередко ставятся автором.

Даже монархически настроенные офицеры утрачивают веру в возможность победы. Они начинают сознавать неизбежность гибели того дела, которому служат. Большим смыслом наполняется текст письма Евгения Листницкого к отцу. В этом письме дается трезвая оценка белогвардейскому движению: «Краснов не ладит с Деникиным, а внутри обоих лагерей — взаимное подсиживание, интриги, гнусь и пакость. Иногда мне становится жутко».

События, происходящие в белогвардейском лагере, освещаются писателем и через вымышленных персонажей, в частности, через Евгения Листницкого. Рисуя этого махрового врага революции, Шолохов делает его участником конкретных событий, но главное внимание сосредотачивает на его взаимоотношениях с ротмистром Горчаковым, Ольгой и Аксиньей.

Раскрывая настроения белогвардейских офицеров, писатель опирается на литературные источники. Если при характеристике героев революционного лагеря он ссылается на Некрасова, Кольцова, Никитина, Лермонтова, то при обрисовке белогвардейских офицеров он упоминает имена писателей типа Мережковского и Бунина. Еще во второй книге старый генерал Листницкий цитирует строки из «Петра и Алексея» Мережковского.

В третьем томе цитаты из стихотворения Блока «Незнакомка» и И. Бунина «Мечтай, мечтай...» передают «истомную скуку», тягостное настроение Евгения Листницкого, который козыряет меланхолическими строфами («Одoleвала его поэзия, и мысли, как пчелы, несли в соты памяти чужую певучую боль»). Листницкий «наедине с собой рассуждал, как герой классического романа», и решил, что любит подлинной любовью, которую испытыва-

ют *порядочные герои романов...*». Горчаков также обращается к литературным параллелям. Он характеризует свою жену как «тургеневскую женщину».

Влияние литературных источников сказывается в самом стиле этой главы, в раскрытии облика Ольги через восприятие Листницкого («розовая мочка крохотного ушка», прядь «золотисто-ржавых волос», «гаснущая ущербная красота», «тонкие смугло-красные растрескавшиеся, жаркие губы», «волнующе-трогательное детское выражение». Листницкий хранил «ее светлый, немеркнувший образ, облекая его ореолом недосягаемости и поклонения».

Чувство порядочности и чести, которыми хотел прикрыться Листницкий, рушатся при первой же встрече с Ольгой и Аксиньей. Им по-прежнему властно правил «разнузданный и дикий инстинкт — «мне все можно». В судьбе Евгения Листницкого Шолохов обобщает пути и судьбы других белых офицеров, крах их надежд, разложение и распад обреченного народом на гибель старого мира.

7.

Летом 1931 года Шолохов снова столкнулся с препятствиями, вставшими на его пути при опубликовании третьей книги «Тихого Дона». Как и раньше, ему предлагали пойти на целый ряд сокращений, обвиняли в том, что он якобы оправдывает белоказачье восстание 1919 года. Узнав об этом, Шолохов попросил А. Фадеева передать рукопись третьей книги романа А. М. Горькому. 6 июня 1931 года Шолохов писал Горькому:

«На днях я послал телеграмму Фадееву с просьбой передать Вам первый экземпляр шестой части «Тихого Дона» ...6-я часть почти целиком посвящена восстанию на Верхнем Дону... Мне хочется узнать Ваше мнение о 6-й части. Если Вы найдете время прочитать, — очень прошу Вас написать мне...

Некоторые «ортодоксальные» «вожди» РАПП'а, читавшие 6-ю часть, обвинили меня в том, что я будто бы оправдываю восстание, приводя факты ущемления казаков Верхнего Дона. Так ли это? Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествовавшую восстанию.

... У некоторых собратьев моих, читавших 6-ю часть и не знающих того, что описываемое мною — исторически правдиво, сложилось заведомое предубеждение против ше-

стой части. Они протестуют против «художественного вымысла», некогда уже претворенного в жизни. Причем, это предубеждение, засвидетельствованное пометками на полях рукописи, носит иногда прямо-таки смехотворный характер...

... Непременным условием печатания мне ставят изъятие ряда мест, наиболее дорогих мне (лирические куски и еще кое-что). Занятно то, что десять человек предлагают выбросить десять разных мест. И если всех слушать, то три четверти нужно выбросить...

... Буду с большим нетерпением ждать от Вас письмо или телеграмму. Изболелся я за эти полтора года за свою работу и рад буду крайне всякому Вашему слову, разрешающему для меня этот проклятый вопрос. В апреле я уехал от Вас из Краскова с большой зарядкой бодрости и желания работать. Спасибо Вам, дорогой Алексей Максимович, за Ваше теплое и внимательное отношение ко мне. Крепко жму руку и крепко желаю Вам здоровья»¹⁾.

Вместе с этим письмом Шолохов прислал из Вешенской последние главы шестой части романа. Еще до получения письма Горький прочел большую часть рукописи и настоятельно предлагал напечатать ее. «Третья часть «Тихого Дона», — писал он А. Фадееву, — произведение высокого достоинства, на мой взгляд — она значительнее второй, лучше сделана... Шолохов — очень даровит, из него может выработаться отличнейший советский литератор...»²⁾.

Однако третья книга «Тихого Дона» еще долго не появлялась в печати. Выход ее в свет был задержан на целый год. Партия и на этот раз помогла писателю. Шолохов с благодарностью вспоминал, что все препятствия и помехи при выпуске третьей книги «Тихого Дона» «были устранены благодаря вниманию и заботе Центрального Комитета партии и лично товарища Сталина».

Третья книга «Тихого Дона» печаталась в журнале «Октябрь» с большим перерывом и некоторыми сокращениями до октября 1932 года. Первые ее двенадцать глав

¹⁾ Из неопубликованного письма М. А. Шолохова А. М. Горькому. 6 июня 1931 г., ст. Вешенская. Цитируется по копии письма, предоставленной нам И. Г. Лежневым.

²⁾ Из неопубликованного письма А. М. Горького к А. А. Фадееву. 3 июня 1931 г. Цитируется по копии, предоставленной нам И. Г. Лежневым.

появились еще в начале 1929 года, а последующие главы появились на страницах этого журнала лишь в январе 1932 года, причем часть глав была опубликована не полностью (XII, XXXI, XXXIII) и печаталась позже с указанием на то, что они выпали из первых номеров журнала по техническим причинам (рассыпан набор). Препятствия были и при отдельном издании книги. 27 августа 1933 г. А. Фадеев сообщал Шолохову об этих препятствиях и обещал, если не удастся договориться с издательством, направить письмо по известному Шолохову адресу¹⁾.

Несмотря на стремление рапповских «вождей» принизить значение творчества Шолохова, охладить восторги читателей, третья книга «Тихого Дона» получила широкое общественное признание. В статьях и письмах этого времени Горький неоднократно отмечал талантливость автора «Тихого Дона», ставил его роман в число наиболее значительных произведений советской литературы. «Мы можем законно похвастаться, — писал М. Горький, — что в целом ряде книг молодые наши писатели давно уже успели и сумели хорошо изобразить войну 1914—1918 годов со всеми ее ужасами. Широко и многими весьма талантливо использован героический и трагический материал гражданской войны. Надолго останутся в новой истории литературы яркие работы Всеволода Иванова, Зазубрина, Фадеева, Михаила Алексева, Юрия Либединского, Шолохова и десятков других авторов, — вместе они дали широкую, правдивую и талантливейшую картину гражданской войны»²⁾.

Обращая внимание «на литературу в целом, а не на единичные явления ее», оценивая ряд книг, посвященных теме гражданской войны, Горький связывает эти произведения с успехами напряженного строительства нового мира, указывает, что «никогда еще и нигде литература не шла так «нога в ногу» с жизнью, как она идет в наши дни у нас». В произведениях о гражданской войне Горький видит и героизм в изображении больших революционных событий, и талантливое использование «трагического материала гражданской войны», призывает проследить не

¹⁾ Из неопубликованного письма А. А. Фадеева М. А. Шолохову. 27 августа 1933 г. Архив ИМЛИ. Фонд А. А. Фадеева. - П. 69. 1152.

²⁾ М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 25. М., Гослитиздат, 1953, стр. 253.

только индивидуальное лицо каждого автора, но и ставит в связь произведения таких разных писателей, как Вс. Иванов, Ю. Либединский, А. Фадеев и М. Шолохов. Говоря о Шолохове и других литераторах, Горький отмечает широту повествования, правдивость изображения гражданской войны.

В другой статье Горький говорил о Шолохове: «Он пишет как казак, влюбленный в Дон, в казацкий быт, в природу»¹⁾. Появление этого замечания в 1931 году не случайно. В третьей книге «Тихого Дона» в большей мере, чем в предыдущих томах, обнаружилось лирическое дарование Шолохова. Пейзажные описания нередко перерастают в развернутые авторские отступления, выражающие любовь писателя к родному краю. Позже Шолохов с гордостью говорил, что, являясь патриотом своей великой Родины, он является «и патриотом своего родного Донского края».

Отмечая, что третья книга «Тихого Дона» значительно лучше второй, сделана, Горький видел и слабые места этой части романа, считал, что Шолохов порой нечетко отделяет авторскую позицию от позиции своего героя Григория Мелехова. Горький перечислял страницы, в которых, по его мнению, выражено «казацкое», и видел в этом проявление «областных» настроений автора. «Областное», по мнению Горького, заставляет Шолохова злоупотреблять местными речениями. В заключение Горький указывает на необходимость бережного, тактического отношения к писателю, который поднимается на высоту социалистического художника²⁾.

15 мая 1934 года М. И. Калинин, беседуя с молодыми крестьянскими писателями, окончившими курсы при оргкомитете Союза советских писателей, высоко отзывался «о простом, незаметном человеке» — Шолохове. Говоря о том, что у некоторых писателей «есть желание обойти трудности», М. И. Калинин привел в пример Шолохова: «Смотрите — Шолохов. Его «Тихий Дон» я считаю нашим лучшим художественным произведением. Отдельные места написаны с исключительной силой. А писал человек в провинции, в станице. Но по языку чувствуется, что он много

¹⁾ М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 26. М., Гослитиздат, 1953, стр. 69.

²⁾ М. Горький. Письмо А. А. Фадееву. 3 июня 1931 г. Архив А. М. Горького. Пг-рл 47 —1—1.

и упорно учился и никакие журналы для начинающих ему не помогали. Я не верю, чтобы он написал «Тихий Дон», не будучи хорошо знаком с нашими классиками»¹⁾).

Оценивая «Тихий Дон» как лучшее произведение советской литературы, М. И. Калинин видит причину успеха Шолохова в продолжении традиций классического искусства, которые с особой силой сказываются в языке писателя, в методе обрисовки характеров, в изображении природы, быта.

В связь с этой оценкой «Тихого Дона» следует поставить и высказывание Р. Роллана, который писал: «Лучшие новые произведения советских писателей, например, Шолохова связаны с великой реалистической традицией прошлого века, в которой воплотилась сущность русского искусства и которую обесмертило мастерство Толстого»²⁾. Сравнивая «Войну и мир» Толстого и «Тихий Дон» Шолохова, Р. Роллан отмечает новизну советского романа-эпопеи, утверждавшегося Шолоховым в советской литературе, видел выраженными в его романе волю и разум эпохи.

Показ в «Тихом Доне» революционной ломки старого мира, путей народа в революции, передача остроты классовой борьбы и драматизма ее, — все это явилось существенным вкладом Шолохова в развитие нового советского эпоса.

1) М. И. Калинин о литературе. Л., Лениздат, 1949, стр. 71.

2) R. Rolland. Par la révolution la paix. Paris, 1935, p. 165.